

ПЗ
Г-29

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
(ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК)

Тейгенко С. С.
ДОМИК НЯНИ

3
157

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
(ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК)

С 143

ДОМИК НЯНИ

ПСКОВСКОЕ
ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951 г.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
(ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК)

3719

ДОМИК НЯНИ

ПСКОВСКОЕ
ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951 г.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
(ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК)

3719

ДОМИК НЯНИ

ПСКОВСКОЕ
ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951 г.

В двух шагах от Дома-музея Пушкина, под сенью огромного двухвекового клёна, среди густых кустов сирени, акации и жасмина, кое-где увитых зелёным хмелем, стоит маленький деревянный флигелёк — знаменитый «домик няни».

Единственное строение, сохранившееся до нашей эпохи от пушкинского Михайловского на своём прежнем месте и в прежних очертаниях, — этот домик — оберегался особенно тщательно.

В давние годы его оберегал сын Пушкина Григорий Александрович, проживавший в Михайловском в течение многих (свыше 30) лет. Он считал домик «единственной постройкой, сохранившейся со времени отца в Михайловском». Его спасли местные крестьяне в 1908 году во время пожара большого дома Пушкина, приобретённого в казну от Г. А. Пушкина. В наше советское время

народ берёт эту драгоценнейшую реликвию, как зеницу ока. Крестьяне отстояли его от огня в 1918 году, когда шайка белобандитов ворвалась на усадьбу поэта, разграбила и подожгла Дом-музей.

В героические годы гражданской войны части Красной Армии, стоявшие в этом районе, в частности башкирская бригада, совместно с окрестными крестьянами проделали большую работу по ремонту «домика няни» и других пушкинских памятников. «Летом 1920 года, — рассказывает один из участников этой работы, — после боёв с Юденичем, после защиты подступов к Ленинграду от белофиннов бригада была переброшена на эстонскую границу, куда белобандит Булак-Балахович собирал свои банды, чтобы бросить их на нашу территорию. Штаб и политотдел разместились в Тригорском, с. Михайловском и Св. Горах. Можно себе представить нашу радость, когда мы очутились на родине Пушкина, в этих дорогих для нашей Родины местах. Пушкинские места были тогда запущены. Домик няни Пушкина Арины Родионовны разрушался после пожара... парк был засорён... Красноармейцы и командиры усердно приводили в

порядок «домик няни», украшали могилу поэта. «Узнав об этом, из Петроградского отдела по делам музеев и охраны памятников старины прибыл специалист-архитектор, который взял на себя руководство работой бригады. По его указанию в домике были удалены гнилые балки и положены новые, отремонтированы полы, потолки, кровля, переложены печи. И для художника, и для красноармейцев было много работы, работы долгой и кропотливой, но радостной. «Какой это был праздник для всех нас» — вспоминает один из командиров З. Х. Гареев. «Тогда же политотдел нашей бригады добился специального постановления Исковского исполкома об охране домика и назначении в Михайловское специальной охраны».

Вскоре после этого — 17 марта 1922 года декретом Совнаркома с Михайловское и его ближайшие окрестности — Тригорское и могила Пушкина в Святогорском монастыре были объявлены Государственным Пушкинским заповедником.

С тех пор тысячи советских людей ежегодно бывали в этих заповедных местах, дорогих сердцу каждого человека. Со всех концов нашей страны приезжали

сюда люди, чтоб посмотреть на бесценные пушкинские места. Они подолгу останавливались перед «домиком няни», стараясь запечатлеть его в своей памяти. Художники рисовали домик, фотографы снимали его, школьники посвящали ему свои стихи.

По всей стране многотысячными тиражами расходились открытки с видами «домика няни», а также репродукции с картин известных художников, изображавших «домик няни», — В. Максимова, В. Бялыницкого-Бируля, Л. Хижинского, Н. Шестопалова, Б. Щербакова и многих других. Он был дорог и нужен советскому народу, этот маленький домик, так же дорог и нужен, как стихи Пушкина, и дорога его память о великом русском поэте.

Незадолго до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. старый домик, построенный ещё дедом Пушкина, основателем с. Михайловского О. А. Ганнибалом в конце 18 века, пришёл в крайнюю ветхость. Предполагалось сделать его огнеупорным — привести древесину его в окаменелое состояние, сделать домик вечным. Об этом просили, этого требовали от Академии наук многочисленные посетители с. Михайловского, молодые и

старые почитатели Пушкина и пушкинских мест. Осенью 1940 года были начаты работы по реставрации домика, но в июне 1941 г. они были неожиданно прерваны. 13 июля в с. Михайловское ворвались фашистские захватчики.

Три года хозяйничали они здесь, стремясь уничтожить всё, что хранил, чему поклонялся наш советский народ. Они разграбили и сожгли пушкинский уголок, а «домик няни» разобрали на обшивку хода сообщения в глубокий пятиэтажный блиндаж, который был в окопе, проходившем на месте старого домика, и далее по самому краю холма вдоль Сороти. Часть домика они сожгли.

В години тяжёлых испытаний Пушкин был вместе со своим народом. Свободолюбивый поэт был страшен врагам. Его имя, его строки, такие дорогие слова, как «домик няни», «холм лесистый», звучали паролем в псковских партизанских отрядах. 12 июля 1944 года Советская Армия вышибла гитлеровцев навсегда из Михайловского. К пушкинским местам вновь вернулись мир и покой. С этого дня началось кропотливое дело восстановления. И первое, за что взялись со-

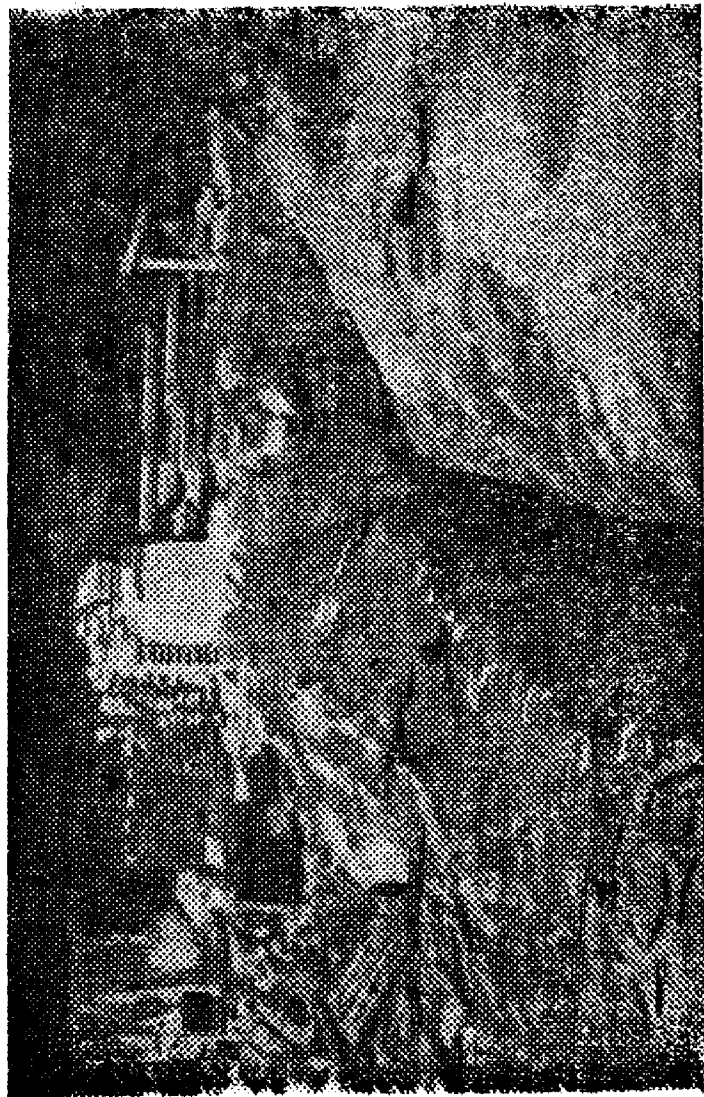
ветские люди, это было восстановление «домика няни».

Из уродливых подземных ходов и блиндажей были бережно вынуты остатки домика, из груды щебня и обломков быстро стали подниматься его новые стены. Со многих концов страны в Пушкинский заповедник, Институт русской литературы Академии наук, районный Совет стали поступать многочисленные письма трудящихся с просьбой срочно и в первую очередь восстановить исторический домик, сохранить его навеки. Об этом писали рабочие, учёные, дети.

Из всех пушкинских памятников в Заповеднике «домик няни» и был восстановлен в первую очередь. Он был воссоздан в предельно короткие сроки руками земляков поэта — трудящимися Пушкиногорского района.

6 июня 1947 года в ознаменование 148-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина строительство его было закончено, и в нём был открыт музей.

«Домик няни» был восстановлен особенно тщательно. Для его реставрации научными работниками Заповедника были собраны все исторические документы, хранящиеся в Пушкинском доме Акаде-

«Домик няни»,
разрушенный гитлеровскими захватчиками (1944 г.)

мии наук СССР (Институт русской литературы) и других хранилищах.

Основными документами и материалами для строителей домика послужили архитектурные обмеры, фотографии, зарисовки и чертежи, исполненные архитектором Академии наук СССР Ю. Мальяревским в 1940—1941 гг., остатки старого домика, найденные в окопах и блиндажах (куски карнизов, кровли, оконных переплётов, дверей), а также многочисленные картины, гравюры, литографии, фотографии, изображающие домик в XIX—XX веке, и описания домика.

Чрезвычайно важными документами для воспроизведения домика явилось изображение его на литографии художника Г. Александрова, выполненной по рисунку псковского землемера И. Иванова в 1837 году, и описание домика 1837 года, сохранившееся в архиве опеки Пушкина. В описи этот домик значится как «флигель деревянного строения, крыт и обшит тёсом, в нём комнат одна, окон с рамами и стёклами три, дверей три, печь русская с железной заслонкою и чугунной вьюшкой. Под одной связью баня с голландской печью и в ней посредственной величины котёл».

При жизни Пушкина домик этот, скорее всего, и был баней, под одной связью с которой находилась светёлка. В этой светлице в летнее время проживала няня Пушкина Арина Родионовна, что и подало повод к названию флигеля «домик няни». Это подтверждается воспоминаниями современников и первыми описаниями села Михайловского.

В настоящее время домик восстановлен таким, каким его видели посетители усадьбы Михайловского до Великой Отечественной войны.

«Домик няни» представляет собой небольшое квадратное в основании (8×9 метров) здание, рубленое из сосновых брёвен, обшитое и крытое тёсом. Стены его окрашены светлой краской желтоватого оттенка. Верхний венец у сседищения с крышей обрамляет широкий карниз, окрашенный тем же цветом, с коричнево-красной каймой по верхнему краю. Углы домика обрамлены деревянными рустами, окрашенными коричнево-красным цветом, у основания углов — накладные ромбики того же оттенка.

Домик имеет два крылечка. Одно из них, обращённое к усадьбе, имеет деревянный навес, с двух сторон поддержи-

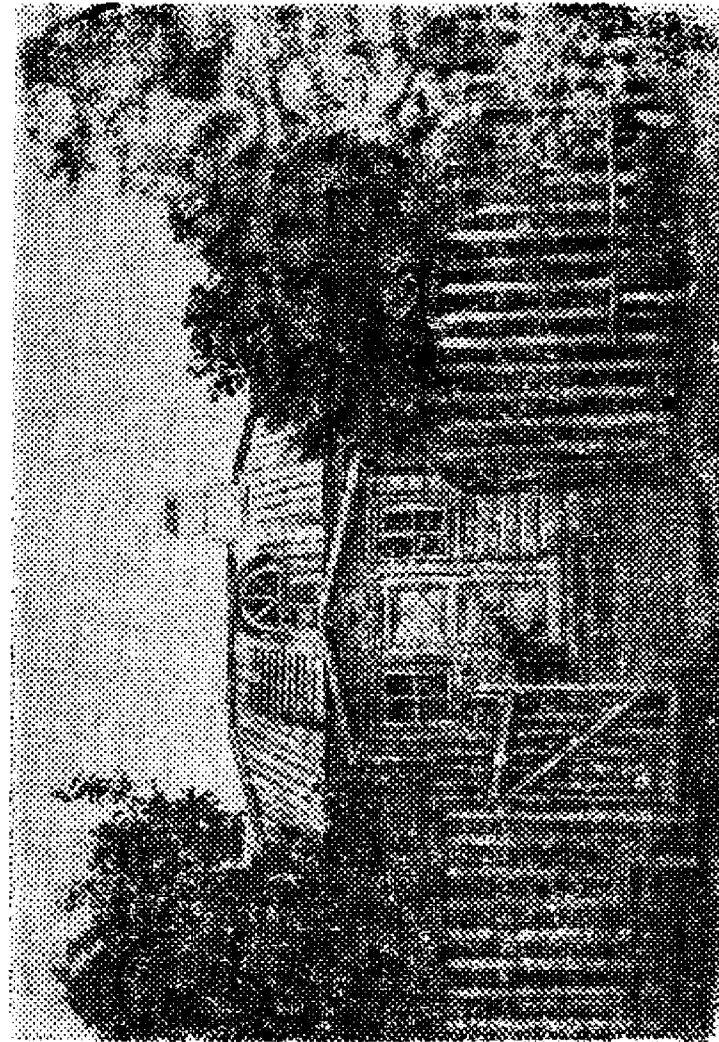
«Домик няни» после восстановления

аемый белыми деревянными колонками, между ними поставлены две скамеечки. Другое крыльцо — заднее, в сторону обрыва к реке Сороти — обшито досками, имеет два маленьких окошечка и дверь между ними. Над дверью — фронтончик, в котором вырезаны отверстия, прикрытые дверцами на петлях — нечто вроде скворешни. Домик состоит из двух комнат в три окна каждая. Они разделены между собой сквозным коридором, соединяющим оба крыльца. В коридоре, у правой стены, — маленькая кирпичная плита, белёная известью. Стены внутри домика тёсанные, некрашенные, потолки дощатые — «вразбежку», полы тоже некрашенные. В одной из комнат («бане») — «голландская печь», а в другой («светёлке») — «печь русская с железной заслонкой и чугунной выюшкой». У печи — лежанка с деревянной приступкой, прикрытая холщёвым, с набойкою, пологом. Такова скромная внутренняя отделка домика, весьма схожая с отделкой обыкновенного крестьянского дома Псковского края.

В настоящее время в комнате-баньке, в особой витрине находятся остатки старого домика, уничтоженного фашистами.

Рядом на щите помещены копии с документов по истории домика, послуживших материалами для его восстановления в 1945—47 гг., в том числе чертежи архитектора Маляревского, литографии работы художников А. Шиллинговского и А. Каплуна. В особой витрине выставлены предметы, найденные в 1945 году при раскопке старого фундамента домика. Среди них—старинные ножницы, медные монеты 1797 и 1811 года, бронзовый складень, медальон, серебряная серьга, верхняя половина бубенца, массивные свинцовые пули; быть может, некоторые из этих предметов принадлежали Арине Родионовне. На особом щите выставлены фотографии с исторических документов, раскрывающие биографию няни и историю её дружбы с поэтом. Маленький портрет Арины Родионовны — копия барельефа работы исковского художника Л. Серякова, подаренного Алексеем Максимовичем Горьким Пушкинскому дому Академии наук СССР.

В другой комнате полностью воспроизведено убранство светёлки няни Пушкина. В ней представлены изделия деревянной крепостной работы — столы, стулья, лавки, сундуки, веретено, столешницы,

«Домик няни» (вид со стороны реки Соротъ)

комод, сундучок — подголовник, светец, подсвечники, старинные псковские набойки и другие предметы, бытовавшие у няни, о которых так трогательно рассказывал и сам поэт, его друг — поэт Н. М. Языков, Осиповы и другие современники Пушкина.

В углу комнаты, на особом столике, стоит дорожный погребец карельской берёзы для чая и сахара, медный самовар, почти такой же, как тот, какой мы видим на рисунке Пушкина в рукописи повести «Гробовщик»; оловянная кружка и другая посуда, упоминаемая в описи Михайловского 1837 года.

В красном углу на столе, покрытом домотканной скатертью, в деревянной латке — клубки шерсти и спицы для вязанья. На лавке, рядом со столом — старинное псковское расписное веретено. Между окон на комодике помещается единственная, сохранившаяся до нашего времени, подлинная вещь Арины Родионовны — её шкатулка. Она была принесена в дар «домику няни» её владелицей А. Д. Языковой — потомком поэта Н. М. Языкова, друга А. С. Пушкина, с которым великий поэт подружился в годы Михайловской ссылки. Шкатулка была привезена

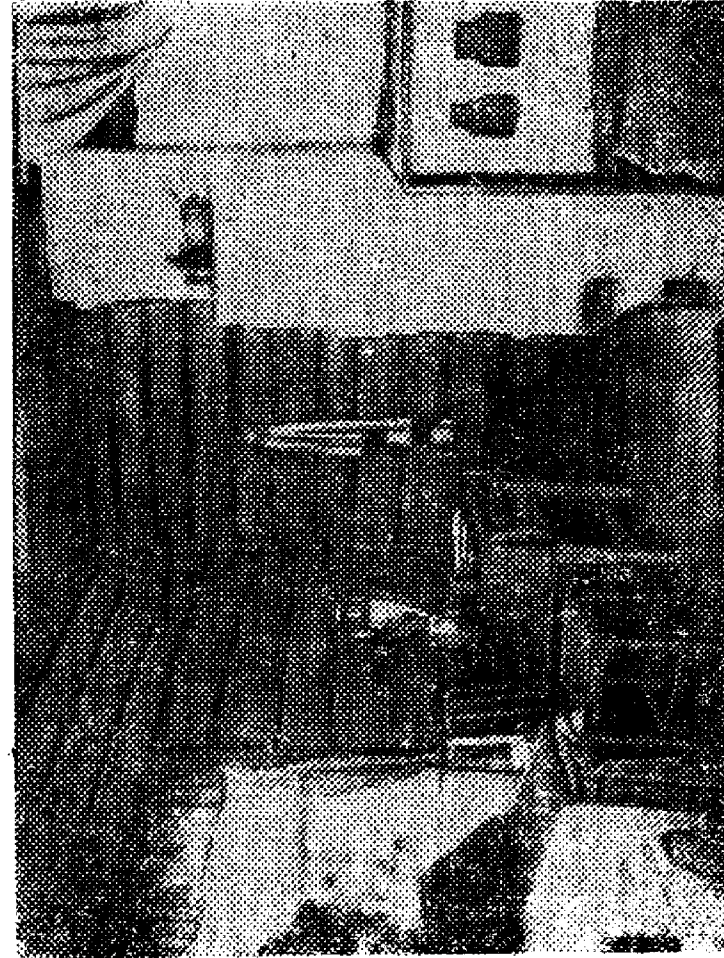
Н. М. Языковым из Михайловского, в ней он хранил свои рукописи.

Шкатулка имеет прямоугольную форму, сделана из дуба и отделана красным деревом. В центре крышки небольшое, ныне заделанное, отверстие «для копилки». На внутренней стороне крышки имеется пожелтевшая от времени бумажная наклейка с надписью крупными буквами: «Для черного дня». Ниже — мелко: «Зделан сей ящик 1826 года июле 15-го дня». Над комодом со шкатулкой — маленький, старый, гравированный портрет юноши А. С. Пушкина — работы художника Е. Гейтмана, 1820 г.

Вся обстановка светёлки няни вводит нас в жизнь и быт Арины Родионовны — самого близкого и искреннего друга поэта в Михайловском.

Велика роль в жизни и творчестве Пушкина этой простой русской женщины — неграмотной крепостной крестьянки.

Арина Родионовна родилась 10 апреля 1758 года в с. Суйда Копорского уезда Петербургской губернии, в вотчине графа Ф. А. Апраксина, которую в 1759 году приобрёл Абрам Петрович Ганнибал. Родители её были крепостные того же

Светёлка Арины Родионовны

Ф. А. Апраксина — Родион Яковлев и Лукерья Кирилова.

С детских лет ей пришлось познать всю тяжесть крепостной неволи.

5 февраля 1781 года Арина Родионовна вышла замуж за крепостного крестьянина А. П. Ганнибала Фёдора, проживавшего в деревне Кобрино, неподалёку от Суйды.

У Арины Родионовны было трое детей: мальчик — Егор и две девочки — Мария и Надежда.

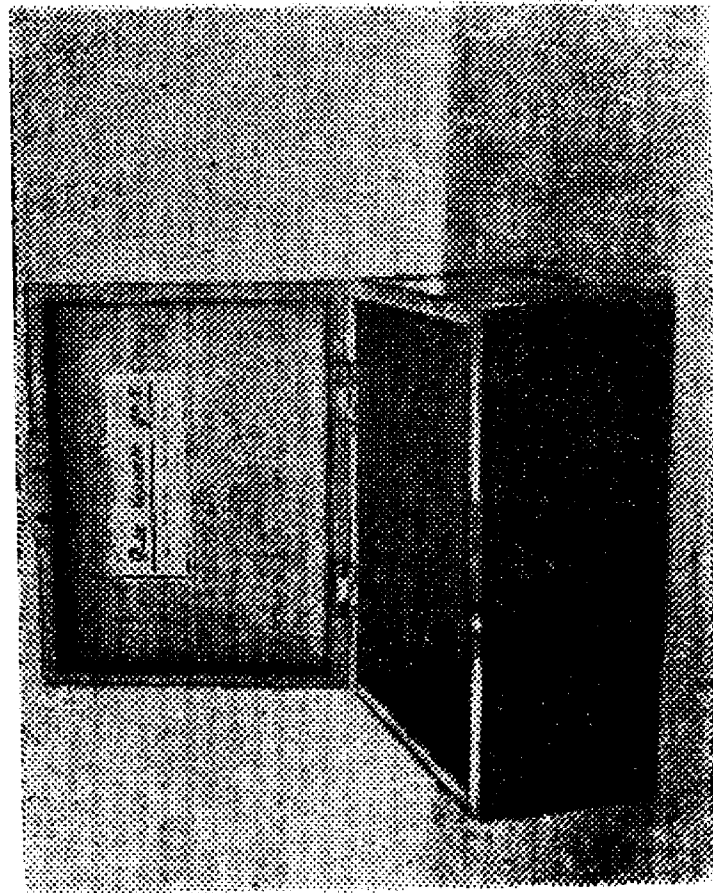
В течение многих лет (с 1796 г.) Арина Родионовна служила в семье Пушкиных и вынянчила всех детей Сергея Львовича Пушкина. 1799 году ей была дана вольная, но она от неё отказалась. У Арины Родионовны Пушкин учился народному русскому языку и русскому народному творчеству, няня была для поэта действительно самым близким другом и «единственной подругой». С нею одною провёл он в Михайловском «два года незаметных».

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков, заставший в живых много близких поэта и помнивших его няню, рассказывает о ней: «Родионовна принадлежала к благороднейшим лицам русского мира.

Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворною строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил её родственною неизменною любовью, и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам. Это объясняется ещё и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче.

Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями её, которые, однако ж, были заметно ослаблены последующим воспитанием».

Дружба Пушкина с няней особенно окрепла в трудные и горькие дни его опальной михайловской жизни. Она одна скрашивала томительные часы длинных зимних вечеров. В ней одной он находил настоящую материнскую ласку и добрый совет.

Шкапулка няни

...бывало

Её простые речи и советы,
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце одобряли
Отрадой тихой..
Я был молод..
Я был ожесточён..

— вспоминал Пушкин позже о жизни своей с няней в Михайловском в прощальной элегии «Вновь я посетил» (черновая редакция), написанной в 1835 году.

Вскоре после приезда в Михайловское, в ноябре 1824 года, в письме к брату Льву Сергеевичу Пушкин так описывает свои занятия в Михайловском:

«До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

Спустя некоторое время (9 декабря) поэт писал своему знакомому Д. М. Шварцу: «Уединение моё совершенно... Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, да и то вижу довольно редко... Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз её видели; она единственная

моя подруга, и с нею только мне нескучно». Эта краткая характеристика заключает в себе оценку того огромного значения, которое имела в то время Арина Родионовна для Пушкина. В своём стихотворении «Зимний вечер», написанном в Михайловском в 1825 году, Пушкин рассказывает о том же:

«Наша ветхая лачужка
И печальна и темна. —
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?
Спой мне песню, как слышишь
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла».

С Ариной Родионовной поэт делился своими думами, читал ей свои новые стихи:

«А я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей».

(«Евгений Онегин»).

Пушкин читал няне своего «Бориса Годунова», написанного в Михайловском, и

она была первым критиком этой народной драмы.

На любовь к нему и заботливость поэт отвечал няне глубокой признательностью. «Он всё с Ариной Родионовной, коли дома, — вспоминал кучер Пушкина Пётр Парфёнов. — Чуть встанет утром, уже бежит её глядеть: здорова ли мама. Он всё её мамой называл».

Арина Родионовна заведывала всем домашним хозяйством Пушкина, и в её распоряжения поэт не вмешивался. Когда экономка Михайловского Роза Григорьевна своим поведением чуть было «не уморила няню, которая начала от неё худеть», — поэт произвёл «перемену в министерстве» и выгнал эту экономку.

Арина Родионовна связывала поэта с народной жизнью, служила ему объектом для наблюдения и изучения народности, являясь вместе с тем живой энциклопедией настоящего народного языка. Она передала поэту любовь к пленительной красоте и богатству народного творчества. Она была не только прекрасным знатоком народного творчества, но и мастерским рассказчиком, донесившим до Пушкина всю выразительность и сочность живого языка, его яркий образный

колорит, мелодии и ритмы народных песен. Пушкин понял и оценил всё огромное значение народного творчества и заложил научные основы его собирания. В бумагах Пушкина сохранились записи русских сказок, сделанные им в Михайловском со слов Арины Родионовны. Здесь и записи сказок о царе Салтане, и о мёртвой царевне, и о Балде, которые потом Пушкин использовал в своих чудесных сказках.

Любимая присказка Арины Родионовны «у моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки рассказывает, вниз идёт — песни поёт» — послужила Пушкину основанием для пролога к «Руслану и Людмиле».

«Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу... Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу». (А. М. Горький).

Среди песен, слышанных Пушкиным от Арины Родионовны, были и песни, выражающие проявление протеста народных

Арина Родионовна
(барельеф работы художника
Л. Серякова)

масс против царского гнёта и помещичьего рабства.

На основе собранных и слышанных песен о Степане Разине Пушкин создал о нём три оригинальных песни, свидетельствующих не только о глубоком сочувствии к образу легендарного народного героя, но и о проникновении Пушкина в самый дух и характер русской народной песни.

«Облик няни, при всей своей несомненной патриархальности, не заключал в себе, вопреки утверждению некоторых критиков и биографов славянофильского толка, ничего сусально-иконописного. Традиционно благочестивая и богомольная Арина Родионовна была, по рассказам всех, знавших её, подтверждаемым стихотворными обращениями к ней и самого же Пушкина, и Языкова, очень не прочь «выпить чарочку». Простая крепостная женщина, не за страх, а за совесть преданная своим господам, она в то же время не имела в себе ничего принижено рабского. Недаром в своём богатейшем сказочно-песенном репертуаре хранила она и песни об удалом «хозяине Сеньке Разине атамане» (Д. Д. Благой, «Творческий путь Пушкина». М, 1950).

С чувством глубокого внутреннего достоинства и одновременно с горячей сердечной приязнью относилась Арина Родионовна к друзьям своего «любезного друга Александра Сергеевича». И. И. Пущин, посетивший Пушкина в Михайловском 11 января 1825 года, писал о ней: «Прибежавшая старушка застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом — один почти голый, другой — весь забрызганный снегом. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она всё поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, и чуть не задушил её в объятиях... За обедом поспотчевали искромётным няню».

Няню Пушкина хорошо знали все друзья поэта — Дельвиг, Вяземский, Жуковский, Тургенев, Осиповы, Языков. Особенно сильное впечатление произвела она на Н. М. Языкова. Языков был в восторге от её сердечной доброты, гостеприимства, пленительных рассказов о старине, о бывальщине. В своём стихотворении «К няне А. С. Пушкина», написанном в 1827 году, Языков писал:

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражён суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зясем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта.
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой,
Как сладостно твоё святое хлебосольство!
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотной,
И лёгкие часы летели беззаботно!

Об этих «лёгких часах» жизни Языков снова вспомнил в другом своём стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина», написанном в 1830 году:

...Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой

К своей весне переносилась
 Разгорячённою мечтой;
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждых стран,
 Речей напоры и отпоры,
 И звон стакана об стакана!
 Уж гасит ночь свои светила,
 Зарёй алеет небосклон;
 Я помню, что-то нам про сон
 Давным-давно ты говорила.
 Напрасно! Взял своё Токай,
 Шумней удалая пирушка,
 Садись-ка, добрая старушка,
 И с нами бражкинчать давай!
 Ты расскажи нам: в дни былые,
 Не правда ль, не на эту стать
 Твои бояре молодые
 Любили ночи коротать?
 Не так бывало! Слава богу,
 Земля вертится. У людей
 Всё коловратно; понемногу
 Всё мудреней и мудреней
 И мы... как детство шаловлива,
 Как наша молодость вольна,
 Как полнолетие умна,
 И как вишо красноречиба,
 Со мной беседовала ты,
 Влекла моё воображенье...
 И вот тебе поминувенье,
 На гроб твой свежие цветы!

Влияние Арины Родионовны на Пушкина было очень велико. Арину Родионовну мы находим в няне Татьяны («Евгений Онегин»), в княжнинной мамке

(«Русалка»), отчасти в карлице «Ласточке» («Арап Петра Великого»), в няне молодого Дубровского.

В 3-й главе «Дубровского» есть письмо няни к Дубровскому, где слова «а в животе и смерти бог волен, приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное... Твоя нянька Арина Егоровна» — почти прямо взяты из письма Арины Родионовны к Пушкину.

«Для Пушкина няня была не только нежной пестуньей, преданным другом; в ней он нашёл истинно национальный тип, который исчерпал до дна. Её преданность и нежность так глубоко врезались в его сердце, жаждавшее любви и ласки, что он запечатлел даже отдельные проявления любви своей няни, умилявшие его своей трогательной наивностью, и эти черты отразил в своём творчестве». (Н. О. Лернер. «Няня Пушкина», Л., 1924).

Внезапный отъезд Пушкина в ночь на 4 сентября 1826 года в Москву по вызову Николая I смертельно напугал Арину Родионовну. Старушка плакала и убивалась. По рассказам Осиповых, «она прибежала в Тригорское вся запыхавшись; седые волосы её беспорядочными косами

спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд». Она пыталась в доме своём уничтожить предметы, которые могли бы повредить её другу в глазах свирепого царя, и жертвой её подозрительности оказался подвернувшийся ей «сыр проклятый, от которого так скверно пахнет». Пётр Парфёнов потом передавал, что, узнав о скором отъезде Александра Сергеевича, «Арина Родионовна совсем растужилась». Она не успокоилась, пока Пушкин не вернулся из Москвы целым и невредимым в ноябре месяце. Няня была беспредельно счастлива, увидев его снова под своим покровом. 9 ноября Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении его свирепости, молитву, вероятно, сочинённую при царе Иване. Теперь у ней попы берут молебны и мешают мне заниматься делом».

Узнав от П. А. Осиповой о происшествии в Михайловском, Дельвиг писал Пушкину:

«Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она пережила совсем неожиданную разлуку с тобою?»

Но скоро опять наступила разлука: Пушкин вновь выехал в Москву. Сохранилось два письма Арины Родионовны к своему питомцу. Они были ею продиктованы, а писаны чужой рукой. Первое из них написано «Генваря 30 дня 1827 г. Милостивой Государь Александра, Сергеевич имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым счастьем; и желаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; а я вас уведомляю что я была в Петербурге: и об вас никто неможит знать где вы находитесь и твои родители, о вас соболезнуют что вы к ним неприедите: а ольга сергеевна к вам писала при мне седнюю дамою вам извесна. А мы батюшка от вас ожидали писма когда вы прикажите, привозить книги нонемогли дождатца: то неознамерились повашему старому приказу от править! то я и посылаю, больших и малых книг сщетом — 134 книги Архипу даю денег 90 рублей: при сём любезной друг я цалую ваши ручки с позволения вашего съто раз и желаю вам то чего и вы желаете и прибуду к вам с искренным почтением.

Арина Родионовна.

6 марта Арина Родионовна шлёт Пушкину своё второе письмо.

«Любезной друг мой Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня беспрестанно в сердце и на уме и только когда засну, забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к ним побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой Ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Наши петербург летом не будут; оне все едут непременно в Ревель — я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Праск. Алек. приехала из Петерб., барышни вам кланяется и благодарят что вы их не забываете, но говорят что вы их рано поминаете, потому что оне славу богу живы и здоровы. Прощайте мой батюшка Александр Сергеевич. За ваше здоровье я про свирю вынула и молебен отслужила: поживи дружечик, хорошенько, — самому слобится. Я слова богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна.

Тригорское, марта 6».

Ответом на эти письма звучит, написанное Пушкиным в том же, 1827 году, стихотворение «Подруга дней моих суровых».

...Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно стлцы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный, отдалённый путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь —
То чудится тебе...

В конце июля 1827 года поэт и няня встретились в Михайловском вновь. Пушкин прожил здесь до 14 сентября. Это была их последняя встреча.

После отъезда Пушкина няня тоже покинула Михайловское и доживала свои дни в Петербурге у старшей сестры поэта Ольги Сергеевны Павлицевой. О последних днях её жизни мы почти ничего не знаем. Она умерла у Павлицевых 25 июня 1828 года, 70 лет отроду, похоронена на Смоленском кладбище. Могила её не сохранилась.

Любовью и симпатией пользуется «домик няни» в нашем народе. Особенно живо воскрешает он в нашей памяти знакомые с детства любимые пушкинские стихи, посвящённые Арине Родионовне.

«Домик няни» заставляет каждого пришедшего в Михайловское вспомнить образ той замечательной русской женщины, которой великий поэт был обязан глубоким проникновением в неиссякаемый родник русского народного творчества, и имя которой он обессмертил.

Составитель С. Гейченко
Отв. редактор М. Фёдоров
Техн. редактор К. Николаев
Корректор А. Савельев

Подписано к печати 9/VI-51 г.
Объём 1 $\frac{1}{4}$ л. л. А. Л. $\frac{1}{2}$.
Форм. бум. 60×84 $\frac{1}{32}$. Зак. 3105.
Тираж 5 000 экз. ТЖ 00289.

Типография «Псков. правда»